

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного Х И Б О В А Агея Владимировича

От 12 января 1944 года

ХИБОВ А.В., 1890 года рождения, уроженец дер. Старые Батеки, Смоленского р-на Смоленской обл., русский, гр-н СССР, беспартийный, с низшим образованием.

В период оккупации немцами Смоленского района являлся стрелочником ст. Гнездово, к моменту ареста - рабочий на железной дороге.

Вопрос: Известно, что вы, проживая на оккупированной немцами территории, вызывались в гестапо. Когда и где это было?

Ответ: Во время оккупации немцами Смоленского района я проживал в поселке Софиевка и работал на станции Гнездово в качестве стрелочника.

В начале апреля 1943 года, точно числа не помню, ко мне на квартиру вечером явился полицейский и предложил на следующий день к 9 часам утра явиться в отделение гестапо на ст. Гнездово.

В назначенное время я явился в гестапо, но предварительно повидался с быв. начальником ст. Гнездово - ИВАНОВЫМ Сергеем Васильевичем.

Вопрос: Для чего?

Ответ: Я знал, что ИВАНОВА уже вызывали в гестапо и хотел поинтересоваться, о чем его допрашивали.

Вопрос: Что же вам сказал ИВАНОВ?

Ответ: Подтвердив вызов свой в гестапо, ИВАНОВ сообщил мне, что его допрашивали по вопросу о доставке железнодорожным путем на ст. Гнездово в 1940 году военнопленных поляков. В гестапо ИВАНОВУ предложили дать показания, что прибывавших

на ст. Гнездово военнопленных поляков сотрудники НКВД отправляли потом в Катинский лес и расстреливали. Как заявил мне ИВАНОВ, он таких показаний не дал, а сообщил лишь, что действительно в 1940 году на ст. Гнездово военнопленные поляки прибывали, но куда их направляли, ему неизвестно.

После разговора с ИВАНОВЫМ я направился в гестапо, где меня допрашивали.

Вопрос: Кто вас допрашивал и о чем?

Ответ: Допрашивал меня немецкий офицер в присутствии переводчика. Офицер заявил, что я, как работник ст. Гнездово, знаю о расстреле военнопленных поляков большевиками в лесу "Козьи Горы" и требовал, чтобы я дал по этому поводу показания.

Немецкий офицер предложил, чтобы я рассказал следующее: будто бы я, являясь в 1940 году стрелочником ст. Гнездово, видел как прибывавших на станцию военнопленных поляков сотрудники НКВД на машинах отправляли в Катинский лес и расстреливали. Наряду с этим офицер добивался показания, что я будто бы даже слышал выстрелы в Катинском лесу.

Вопрос: Дали ли вы в гестапо такие показания?

Ответ: Нет, не дал. Я заявил только, что действительно в 1940 году, будучи стрелочником на ст. Гнездово, несколько раз отцеплял от паровоза и загонял в станционный тупик по 3-4 вагона с военнопленными поляками, но куда их затем направляли, не знаю.

Кроме того по принуждению немецкого офицера, который запугивал меня на допросе плеткой, я подтвердил их вымысел о том, что со станции поляков на машине НКВД "черный ворон" отправляли в сторону пос. Катинь. Фактически же я таких фактов никогда не наблюдал.

Допрос продолжался не долго, офицер написал протокол на немецком языке и заставил меня расписаться. Что было написано в этом протоколе, я не знаю.

Вопрос: Разве вам не читали содержание этого протокола?

Ответ: Нет, не читали. Повторяю, офицер записал протокол на немецком языке, предложил мне расписаться и уходить.

Вопрос: Вы не настаивали на том, чтобы вам прочли содержание протокола?

Ответ: Я боялся репрессий и, выполняя приказание немецкого офицера, подписал протокол.

Вопрос: Вы уверены в том, что протокол был написан на немецком языке?

Ответ: Да, уверен. Хотя у меня образование и небольшое, но я могу отличить русский язык от другого. Подписывая протокол, я ясно видел, что он написан не по-русски, а по-немецки.

Кроме меня в гестапо для допроса о военнопленных поляках вызывали и других лиц.

Вопрос: Кого именно?

Ответ: На допрос в гестапо вызывали: бив. начальника ст. Гнездово ИВАНОВА Сергея Васильевича, бив. дежурного по ст. Гнездово САВВАТЬЕВА Ивана Васильевича, бив. работника "Заготзерно" ст. Гнездово ИВАНОВА (имени и отчества его не знаю) и ряд других неизвестных мне лиц. Спустя примерно две недели после допроса в гестапо, всех нас привели в деревню Глушенки к немецкому генералу на присягу.

Вопрос: В чем же вы присягали?

Ответ: Генерал говорил что-то по-немецки, затем переводчик сказал, что мы должны принять присягу за верность своих показаний и предложил нам поднять руки вверх. Под страхом возможных побоев, мы так и сделали.

Протокол лично читал, все записано с моих слов правильно.

(ХИБОВ)

ДОПРОСИЛ: ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ НКГБ СССР
Полковник Госбезопасности

(РОДОС)

*Верно. Нач. отдела НКГБ СССР
Давид Губинский
Меркулов*